

УДК 343.3:328.185

ББК 67.408.142

С 34

Э.Л. Сидоренко,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института (Университета) международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, тел.: +79615962805, e-mail: 12011979@list.ru

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СТАТИСТИЧЕСКОГО И КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассмотрены современные тенденции развития коррупционной преступности в России. Основное внимание уделено поиску причин снижения взяточничества и системной оценке корреляционных связей между уровнем коррупции и основными социально-экономическими показателями. Обращение к методу математического моделирования позволяет автору выявить устойчивые признаки коррупции в России и прогнозировать ее дальнейшую динамику.

Ключевые слова: коррупция, динамика, структура, должностное лицо, корреляция, коррупционная преступность.

E.L. Sidorenko,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Department of Criminal Law, Criminal Process and Criminalistics of the Moscow State Institute (University) of the International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, ph.: +79615962805, e-mail: 12011979@list.ru

CORRUPTION IN RUSSIA THROUGH A PRISM OF THE STATISTICAL AND CORRELATION ANALYSIS

Abstract. The paper discusses the current trends in development of corruption crime in Russia. Special attention is paid to searches of the reasons of bribery decrease and to a system assessment of correlation relationship between the level of corruption and the main socio-economic indexes. The author uses a method of mathematical modeling to reveal steady signs of corruption in Russia and to predict its further dynamics.

Keywords: corruption, dynamics, structure, official, correlation, corruption crime.

Активная наступательная политика государства в сфере противодействия коррупции воспринимается в обществе неоднозначно. Наблюдается широкий спектр оценок: от безоговорочной поддержки до полного и категорического неприятия. Причем в основу диаметрально

противоположных позиций зачастую закладываются одни и те же доводы: общественная опасность и мимикрия коррупции [1; 305 – 314], потребность в адаптации российского законодательства к международным антикоррупционным стандартам [2; 19, 3; 81–96], предельность

репрессивного воздействия на преступность [4; 181–186], объективная невозможность объединения усилий всех субъектов профилактики [5; 77–84] и др.

Но далеко не всегда эти мнения подкрепляются криминологическими данными.

Между тем, потребность в комплексном научном анализе преступлений коррупционной направленности стала очевидной после обобщения данных статистической формы 1-КОРР Государственного информационно-аналитического центра МВД РФ за 2012–2014 годы.

Неожиданным оказалось стремительное снижение динамики преступлений коррупционной направленности на фоне отсутствия

соответствующих социальных предпосылок.

Действительно, с 2012 года, т.е. с момента введения статистической формы 1-КОРР, произошло снижение коррупции на 35%. Коммерческий подкуп снизился на 9%, взяточничество – на 16%, а злоупотребление должностными полномочиями – на 260% (таблица 1). Однако наблюдаемая динамика при ее сопоставлении с социальными индикаторами благосостояния общества не может считаться стабильной.

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что снижение одних индексных показателей сопровождается ростом других (например, на фоне спада динамики

Таблица 1

Динамика зарегистрированных преступлений коррупционной направленности

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Ст. 285	6055	6103	2286	4593	4077	3081	2286
Ст. 285-1	197	217	31	109	68	45	31
Ст. 285-2	94	10	4	44	29	15	4
Ст. 285-3			25	0	3	17	25
Ст. 290	7131	7856	5980	6947	6576	9148	5980
Ст. 291	5381	5285	5913	4005	3182	5223	5913
Ст. 291-1		0	462	130	399	747	462
Ст. 204	1712	1937	1301	1397	1212	1958	1557

получения увеличилась дача взятки на 47% по сравнению с 2011 годом).

Во-вторых, снижение уровня регистрируемых коррупционных преступлений осуществляется на фоне увеличения суммы взятки (по сравнению с 2012 годом она возросла в 2,1 раза).

И, наконец, в-третьих, на отсутствие устойчивой динамики спада коррупции указывает диссонанс между регистрируемыми преступлениями и выявленными лицами, давшими и получившими взятку.

Так, согласно официальным данным, количество фактов получения взятки существенно превышает показатели ее дачи. В 2010 году

разница между ними составляла 230%, в 2013 году – 143%. Это соотношение наглядно свидетельствует о том, что правоохранительным органам намного труднее выявить факт дачи взятки, чем установить ее получение.

Не дает оснований для благоприятных прогнозов и статистика выявленных лиц. В отличие от показателей регистрируемой преступности здесь наблюдается очевидное преобладание лиц, давших взятку. Суммарно они почти вдвое превышают количество взяткополучателей (таблица 2). Во многом это объясняется порочной практикой выявления и расследования коррупционных преступлений: в 85%

Таблица 2

Динамика выявленных лиц, совершивших преступление

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Ст. 285	1729	1998	1132	1422	1241	1215	1132
Ст. 285-1	153	185	32	101	47	37	32
Ст. 285-2	72	99	3	46	26	17	3
Ст. 285-3			2	0	0	5	2
Ст. 290	2288	2527	2060	2275	1774	2289	2060
Ст. 291	4602	4453	5603	3655	2426	4461	5603
Ст. 291-1			279	86	192	299	279

случаев взятодатели задерживаются «с поличным» при сообщении должностных лиц о предложении или обещании взятки.

Факты получения взятки, как правило, регистрируются тогда, когда проводятся специальные оперативные мероприятия по выявлению преступлений.

Как позволяет судить соотношение числа зарегистрированных и выявленных преступлений, внимание правоохранительных органов сосредоточено преимущественно на выявлении наиболее серьезных коррупционных преступлений с одновременным сокрытием низовой коррупции, что, в конечном итоге, приводит к сокращению числа фиксируемых деяний при одновременном увеличении размера причиненного материального вреда (за три года он вырос на 88%).

Обращает на себя внимание существенно возросший размер предлагаемой взятки. В 2014 году средняя сумма полученной взятки (по выявленным преступлениям) составила 139 тыс. рублей, а дачи взятки – 119 тыс. рублей. Таким образом, по сравнению с предыдущим годом, размер получаемой взятки снизился на 4% (что можно считать статистической погрешностью), а размер дачи взятки увеличился на 214%.

Основания для благоприятных прогнозов относительно эффективности антикоррупционных мер дает контингент выявленных лиц. За 9 месяцев 2014 года за коррупционные преступления было осуждено 8 тыс. человек, из них 45 депутатов

и кандидатов в депутаты различного уровня, более 1200 гражданских и муниципальных служащих, 500 сотрудников правоохранительных органов, включая прокуроров, следователей и служащих ФСИН, а также 136 судебных приставов и 28 таможенников.

Данные официальной статистики, а именно контингент осужденных лиц, объем материального ущерба от коррупции и средний уровень взятки на стадии расследования уголовных дел, свидетельствуют о развитии западной модели, для которой характерен отказ от низовой коррупции в пользу развития сферы теневых коррупционных услуг.

На снижение динамики рассматриваемых преступлений может влиять и изменение УК РФ. Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ [6] часть коррупционных деяний была автоматически переведена в разряд преступлений небольшой тяжести, в отношении которых не могут производиться основные оперативно-розыскные мероприятия. В частности, согласно ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [7], проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. А принимая во

внимание тот факт, что большинство коррупционных преступлений регистрируются только при условии наличия определенной оперативной информации, нетрудно прогнозировать дальнейший спад раскрываемости низовой коррупции.

Выглядит странным снижение уровня коррупционных преступлений при относительно стабильном росте фактов дачи взятки (в среднем – на 35%), мошенничества, присвоения и растраты, совершенных с использованием служебного положения (таблица 3).

Отмеченный в 2012 году беспрецедентный рост коррупционного мошенничества, присвоения и растраты (уровень прироста по ст. 159 УК РФ составил 83%, а по присвоению и растрате – 45%) сменился резким снижением показателей – на 42% и 19,5%, соответственно (см. таблицу 3), что в отсутствии очевидных социальных предпосылок можно объяснить лишь высокой латентностью коррупции.

В числе факторов снижения уровня регистрируемых преступлений можно назвать и введение

Таблица 3

Динамика отдельных коррупционных преступлений

	2011	2012	2013
мошенничество ч. 3 и ч. 4 ст. 159	9364	17168	9938
присвоение и растрата ч. 3 и ч. 4 ст. 160	5662	8203	6603
коммерческий подкуп ст. 204	1397	1212	1958

в УК РФ новых составов мошенничества, традиционно относимых к одному из видов коррупционных преступлений.

Появление новых статей привело к размыванию статистики преступлений коррупционной направленности. Если сравнить данные о мошенничестве, совершенном с использованием служебного положения, за 2012 и 2013 годы, очевидным будет снижение общего количества этих преступлений даже при сложении данных о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 159.1 – 159.6 УК РФ. В 2012 году было зарегистрировано 17 168 деяний, в 2013 – 11 304 (–34%), однако общий уровень коррупционных преступлений за этот период сократился только на 14%. Таким образом, с учетом динамики современного мошенничества, можно предположить, что значительная часть коррупционных деяний выходит за рамки специального учета.

Возможной причиной снижения уровня регистрируемой преступности может быть тенденция отказа

от практики дробления на эпизоды продолжаемых преступлений. В пользу такого вывода говорят следующие факты:

– резкое снижение числа выявленных преступлений коррупционной направленности (в 2013 г. на 40,6%) преимущественно по делам о получении взятки и посредничестве во взяточничестве. По сравнению с 2013 годом, их количество сократилось, соответственно, на 11% и 23%;

– сокращение разрыва между выявленными преступлениями и лицами, их совершившими. При снижении в 2013 году количества раскрытых преступлений коррупционной направленности на 4,1%, число выявленных лиц, совершивших эти преступления, выросло на 19,2%.

Если в 2012 году на одно выявленное лицо приходилось 3,7 преступления, в 2013 году – уже 2,6 преступления, а в 2014 году – 2 преступления. Эту динамику следует считать положительной, но не обнадеживающей, если учесть, что по

общим показателям преступности на одно выявленное лицо в 2012 году приходилось 2,65 преступления, а в 2013 и 2014 годах – 2,17.

Приведенные цифры, с одной стороны, свидетельствуют об улучшении качества расследования уголовных дел и постепенном отказе от их дробления на отдельные эпизоды, но с другой – говорят в том, что правоохранительные органы предпочитают возбуждать уголовные дела только при наличии полной уверенности в том, что доведут расследование до конца. А это возможно, как правило, только в случаях, когда преступление выявляется на основе оперативных сведений.

Приведенный анализ не столько раскрывает природу данного явления, сколько выявляет противоречия и пробелы в практическом и научном понимании коррупции, указывает на расширение и углубление ее научного анализа за счет применения метода корреляционного анализа.

В детальной научной разработке нуждаются принципиально новые криминологические параметры: корреляционные зависимости между коррупцией и некоторыми социально-психологическими показателями, хабиутализация коррупции и др. Иначе говоря, необходимо расширение экспертного поля для адекватного понимания смысла статистических показателей.

В условиях высоких рисков манипуляции данными о коррупции Россия как никогда остро нуждается в разработке универсальной и криминологически обоснованной модели ее оценки.

В этой связи большой научный интерес представляет коррупциометрия (от лат. «*corruptio*» — подкуп, порча и греч. «*metreo*» измеряю) — новое научное направление, ориентированное на всестороннюю оценку коррупционных преступлений.

Если традиционный криминологический анализ взяточничества строится на изучении динамики,

географии, структуры коррупции и представлениях о ней населения, то коррупциометрия ориентирована на выявление системных связей между рассматриваемым видом преступности и социальными, политическими и конъюнктурными факторами.

Предлагаемый научный подход изменяет формат криминологического восприятия коррупции. Она рассматривается уже не как набор статистических величин, а как сложный социальный организм, находящийся в тесной взаимосвязи с внешними явлениями макро- и микроуровней. Такой подход открывает большие гносеологические возможности для оценки коррупции через факторы социальной аномии, хабутиализации и др., но главное — позволяет искать причины коррупции не в ней самой, а во внешних факторах.

Характер поставленных перед коррупциометрией задач требует расширить методологический инструментарий оценки коррупции, привнеся в него элементы математического моделирования и корреляционного анализа.

Корреляция как метод математического моделирования позволяет выявить статистическую взаимосвязь двух и более случайных величин. При этом изменения значений одного или нескольких явлений сопутствует систематическому изменению значений другой или других величин.

Коэффициент детерминации для модели с константой принимает значения от 0 до 1. Чем ближе значение коэффициента к 1, тем сильнее зависимость. При оценке регрессионных моделей коррупции это интерпретируется как соответствие модели данным. Для приемлемых моделей детерминации коррупции предполагается, что коэффициент детерминации должен быть хотя бы не меньше 50% (в этом случае коэффициент множественной корреляции превышает по модулю 60%).

Модели с коэффициентом детерминации выше 70% можно признать достаточно хорошими. Значение коэффициента детерминации 1 означает функциональную зависимость между переменными, когда одно явление может быть расценено как основная причина другого.

Использование метода корреляционного анализа в коррупциометрии позволяет с высокой долей вероятности:

- установить системные зависимости между динамикой преступлений коррупционной направленности и основными социально-экономическими показателями (минимальным прожиточным уровнем, ВВП, безработицей, уровнем потребительских и производственных ожиданий населения);

- выявить отрасли экономики с высоким уровнем коррупционных рисков через установление корреляционных связей между показателями эффективности борьбы с коррупцией и инвестиционной

привлекательностью отдельных секторов экономики;

- определить эффективность уголовно-правовых запретов через сравнительный функциональный анализ динамики регистрации преступлений коррупционной направленности и уровнем общественного восприятия коррупции;

- оценить эффективность различных уголовно-правовых норм через выявление кримиотропных рисков (риск быть выявленным, риск быть привлеченным к уголовной ответственности и др.);

- выявить системные связи между преступлениями коррупционной направленности и иными преступлениями (экономическими, преступлениями против общественной безопасности, здоровья населения и др.).

Большой потенциал корреляционного анализа заметен при сравнении динамики взяточничества и ряда социально-экономических показателей (см. таблицу 4).

Таблица 4

Корреляционные связи между взяточничеством и основными социально-экономическими показателями

Виды коррупционных преступлений	Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума	Численность малоимущего населения	Уровень безработицы	Индекс предпринимательской уверенности (розничная торговля)	Индекс предпринимательской активности (сфера услуг)	Индекс потребительской активности	Средне-месячная заработная плата
Получение взятки	0,61	0,20	0,04	- 0,6	- 0,7	- 0,52	0,14
Дача взятки	0,62	- 0,13	0,1	- 0,8	- 0,75	- 0,62	0,14

Высокая детерминационная связь отмечена между взяточничеством и показателем соотношения средних доходов с величиной прожиточного минимума. Она подтверждает известный экономический тезис о том, что на переходном этапе развития экономики рост благосостояния населения сопровождается ростом коррупции.

Слабые корреляционные связи установлены между взяточничеством, с одной стороны, и численностью малоимущего населения и уровнем безработицы, с другой.

Это позволяет рассматривать российскую коррупцию не столько как экономическое, сколько как системное бюрократическое явление, существующее параллельно с

экономическими реформами и социальными преобразованиями. В этой связи первоочередной задачей государства должно стать проведение уголовной политики, обеспечение справедливости и неотвратимости ответственности за взяточничество.

Надежду на то, что коррупция в скором времени станет восприимчива к социально-экономическим процессам, дает обратная корреляция между взяточничеством и индексами предпринимательской и потребительской активности. Показатель $-0,6$ позволяет говорить о том, что рост ожиданий предпринимателей и потребителей существенно влияет на спад коррупции. В настоящее время эти ожидания, к сожалению, снижены, что исключает возможность быстрого и эффективного противодействия взяточничеству.

В отсутствии необходимых социологических инструментов изучение факторов коррупции сводится к анализу сложной многофакторной игры по конструированию юридических фактов и изменению формальных статусов игроков. Опора на такие данные априори приводит к неадекватным выводам.

Совокупное использование аналитических и математических моделей коррупциометрии позволило сформулировать и другие, не менее интересные выводы, изменяющие привычные представления о коррупции в России.

В частности, при проведении исследования выявлена близкая в абсолютной корреляционная связь между отдельными коррупционными преступлениями: злоупотреблением должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), нецелевым расходованием бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ), нецелевым расходованием средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2 УК РФ), превышением должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) и служебным подлогом (ст. 292 УК РФ). В среднем, показатель корреляции между ними составил $0,95$ при максимуме в $1,0$.

Проведение ряда контрольных подсчетов позволяет с высокой степенью вероятности говорить о завершении процесса оформления коррупции как институционального социально-правового образования, обладающего типовыми признаками и имеющего устойчивые тактические модели.

В частности, установлено, что получение взятки чаще всего сопровождается не служебным подлогом ($0,90$) и не злоупотреблением должностными полномочиями ($0,65$), как принято полагать, а нецелевым расходованием бюджетных средств ($0,92$) и средств государственных внебюджетных фондов ($0,91$).

Выявленная закономерность, по сути, подтверждает вывод о том, что наибольшими коррупционными рисками обладает именно сфера распределения денежной массы и эффективным средством противодействия коррупции является ужесточение контроля над расходованием бюджетных и внебюджетных средств.

Представленные ниже корреляционные показатели являются наглядным свидетельством того, что коррупция в России постепенно приобретает закрытый «сословный» характер, фактически ассимилируясь в должностной преступности. Об этом, в частности, свидетельствуют высокие показатели корреляции между преступлениями, предусмотренными ст. ст. 285, 285.1, 285.2, 286, 292, 293 УК РФ, и низкая корреляция дачи взятки и коммерческого подкупа (в среднем, $0,3$) (таблица 5).

Почву для размышлений и углубления научного исследования коррупции дает наличие обратной корреляционной связи коррупции с материальными ожиданиями населения.

За исключением дачи взятки, все коррупционные преступления находятся в обратной функциональной зависимости от индекса материального положения населения.

Корреляционные связи между зарегистрированными коррупционными преступлениями

	ст. 285	ст. 285.1	ст. 285.2	ст. 286	ст. 290	ст. 291	ст. 292	ст. 293
ст. 285	*	0,96	0,92	0,95	0,52	-0,03	0,96	0,6
ст. 285.1	0,96	*	0,92	0,90	0,90	0,74	0,92	0,9
ст. 285.2	0,92	0,92	*	0,95	0,94	0,63	0,90	0,96
ст. 286	0,95	0,90	0,95	*	0,44	-0,10	0,94	0,93
ст. 290	0,52	0,90	0,94	0,44	*	-0,08	0,88	0,81
ст. 291	-0,03	0,74	0,63	-0,01	-0,08	*	-0,26	-0,26
ст. 292	0,96	0,92	0,90	0,94	0,88	-0,26	*	0,17
ст. 293	0,6	0,90	0,96	0,93	0,81	-0,26	0,75	*

Выявляется новая социологическая закономерность: улучшение представлений людей о своем материальном положении с неизбежностью приводит к снижению уровня коррупции, и наоборот – ухудшение материального состояния сопровождается ростом коррупции.

Эта тенденция свидетельствует, прежде всего, о корыстной направленности коррупции. Получение взятки, злоупотребление должностным положением, превышение должностных полномочий и служебный подлог рассматриваются как способы улучшения материального положения. При этом получение взятки уступает место таким коррупционным преступлениям, как злоупотребление и превышение должностных полномочий.

Находясь в тесной системной связи с индексом личного материального положения, коррупция, тем не менее, демонстрирует слабую или среднюю зависимость от ожидаемых изменений личного материального положения и индекса потребительской уверенности. Это говорит о том, что она, несмотря на свою преимущественно корыстную направленность, не рассматривается как основной источник дохода. А это означает, что повышение заработной платы чиновников не следует рассматривать как эффективное средство сдерживания взяточничества.

Интересные системные зависимости выявлены при сравнении

численности лиц, работающих в государственных органах и органах местного самоуправления, получивших дополнительное (в том числе антикоррупционное) образование, работников, замещающих госдолжности и должности федеральных государственных служащих, государственных служащих органов субъектов РФ и муниципальных служащих с коррупционной преступностью.

Вопреки ожиданиям, повышение уровня образованности чиновников находится в прямой причинной связи со взяточничеством, хотя эта зависимость и не имеет функционального характера. Тем не менее, вызывает тревогу тот факт, что получение должностными лицами антикоррупционного образования фактически выступает условием, облегчающим совершение коррупционного преступления. Исключение, пожалуй, составляет служебный подлог: здесь дополнительная профессиональная подготовка приводит к незначительному сокращению количества зарегистрированных преступлений. Но в то же время можно свидетельствовать о повышении уровня их искусственной латентности.

Основания для положительных прогнозов на среднесрочную и долгосрочную перспективу дает корреляция между численностью чиновников и динамикой злоупотребления должностным положением.

Находясь в границах средней обратной зависимости ($-0,46$), она указывает на высокий предупредительный потенциал внутреннего организационного контроля, усиливающегося по мере увеличения численности административного аппарата.

Одновременно с этим стабильно высокой остается прямая зависимость между увеличением численности чиновников и динамикой превышения злоупотребления полномочиями и взяточничеством. Но эта зависимость имеет скорее статистический, нежели системный характер.

Особое внимание должно быть обращено на тот факт, что численность работающих в госорганах и органах местного самоуправления лиц находится практически в близкой к абсолютным значениям обратной зависимости от посредничества

во взяточничестве ($-0,99$). Это может свидетельствовать о том, что потребность к такой услуге как посредничество возникает только тогда, когда чиновник оказывается «на виду» [8, с. 191].

В сложно структурированных органах, где отсутствует дефицит кадров, должностные лица и взятодатели не прибегают к услугам посредников, предпочитая договариваться друг с другом непосредственно. Исключение, пожалуй, составляют федеральные чиновники. Здесь корреляция между численностью госаппарата и посредничеством во взяточничестве находится в верхних границах детерминации. Как показывает анализ, реже всего к посредническим услугам прибегают муниципальные служащие ($-0,84$), что объясняется характером и размерами взяточничества на местах.

Примечания:

1. Номоконов В.А. Антикриминальная политика: оптимизация или радикализация? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3. С. 305–314.
2. Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации / С.П. Андрусенко, Н.А. Голованова, А.А. Гравина [и др.]. М., 2012. С. 19.
3. Федоров А.В. О реализации антикоррупционных стандартов ОЭСР в российском уголовном законодательстве // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 4. С. 81–96.
4. Баталина А.Л. Борьба с коррупцией: успех и провал (на примере Сингапура и Нигерии) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 2. С. 181–186.
5. Сидоренко Э.Л. О статусе потерпевшего в уголовном праве // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 77–84.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 28.12.2013). URL: www.pravo.gov.ru, 08.12.2011
7. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Российская газета. 1995. 18 авг.
8. Сидоренко Э.Л. Реформирование российского антикоррупционного законодательства: требование ОЭСР или правовая необходимость // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3. С. 188–194.

References:

1. Nomokonov V.A. Anti-criminal policy: optimization or radicalization? / V.A. Nomokonov // Criminologist's library. Scientific journal. 2014. No. 3. P. 305–314.
2. Andrusenko S.P., Golovanova N.A., Gravina A.A., Kashepov V.P., Makarov O.V., Semykina O.I., Rudnev V.I., Khromova N.M. International legal standards in the criminal justice system of the Russian Federation. M., 2012. P. 19

3. Fyodorov A.V. On the realization of the OECD anti-corruption standards in the Russian criminal law / A.V. Fyodorov // Library of criminal law and criminology. 2013. No. 4. P. 81–96.
4. Batalina A.L. Fighting corruption: success and failure (based on Singapore and Nigeria) / A.L. Batalina // Criminologist's library. Scientific journal. 2012. No. 2. P. 181–186.
5. Sidorenko E.L. On the status of the victim in the criminal law / E.L. Sidorenko // The journal of the Russian law. 2011. No. 4. P. 77–84.
6. Federal Law of 07.12.2011 N 420-FZ (ed. of 28.12.2013) "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // www.pravo.gov.ru, 08.12.2011
7. Federal Law of 12.08.1995 No.144-FZ "On investigative activity" // Rossiyskaya gazeta. No. 160. 18.08.1995.
8. Sidorenko E.L. Reform of the Russian anti-corruption legislation: OECD demand or legal necessity / E.L. Sidorenko // MGIMO University Bulletin. 2014. No. 3. P. 188–194.